

УДК 32.019.51
ББК 66.041.33

ПРАКТИКИ ПОЛИТИЧЕСКОГО НАСИЛИЯ В РОССИЙСКОМ ИЗМЕРЕНИИ¹

Е.В. Ефанова

В статье представлены методологические основы изучения политического насилия, установлены особенности реализации насильственных практик в форме терроризма в российской политике. Автором проводится разграничение отечественных практик реализации политического насилия по линии «террор – терроризм». Устанавливаются генезис и субъекты террористической деятельности в РФ.

Ключевые слова: *насилие, терроризм, террор, государство, власть, безопасность.*

Сколь бы глубоким и тщательным ни было исследование сущностных основ политического насилия, оно не будет всеохватывающим без учета всесторонней практики его реализации в политической жизни, его содержание обуславливается особенностями исторического развития страны, традициями и ценностями общей культуры, спецификой этнической идентификации.

В целом необходимо отметить отсутствие единства в понимании сущности насилия, его роли и места во властных отношениях. М. Вебер обосновал атрибутивную роль насилия для государственной власти [2]. К. Маркс указывал на то, что власть является «концентрированным и организованным общественным насилием» [15]. В.И. Ленин определял государство как «особый аппарат для систематического применения насилия и подчинения людей насилию» [13, с. 68]. Таким образом, насилие как политическое средство может быть использовано для осуществления социальной воли и властных отношений, что обуславливает применение насильственных средств реализации интересов участников социально-политического процесса.

Насилие интерпретируется как ограничение физических и духовных возможностей человека, подавление свободы его воли. (П. Рига, Н. Гарвер, Ф. Уэйд). А.А. Гусейнов

определяет насилие как «узурпацию свободной воли» [4, с. 9]. Для Г.Н. Киреева – это «весьма общая категория, обозначающая любое подавление объективных интересов и действий классового противника» [10, с. 101], противоположной стороны, навязывания кому-либо своей воли» [6, с. 6–7]. Вместе с тем существует точка зрения, согласно которой физическое принуждение исключается из сферы политического (Х. Арндт, Э. Гидденс, Ю. Хабермас) [7, с. 29]. Х. Арндт полагала, что использование насилия – это не применение власти, а ее отсутствие. Там, где начинается насилие, заканчивается власть [там же].

Важно отметить, что насилие может стать и образом жизни, принятым образцом поведения, санкционируемым нравами и традиционной моралью. Так, Ф. Джонсон приходит к выводу, что «некоторые индивиды и общества могут быть необычно склонны к войне или, наоборот, необычно мирными». Ф. Ферраротти замечает, что «существуют культуры, которые стимулируют, оправдывают, “эстетизируют” насилие» [там же, с. 109]. В таких обществах насилие в политике не рассматривается как нечто запретное, его использование не сопровождается чувством вины.

В целом можно назвать два способа обоснования насилия, которые выработало общество. «Первый – сакрализация насилия или отнесение насилия к священному. Второй – легитимация определенных видов насилия (отнесение его к праву, закону, суду)» [16, с. 107].

Кроме того, в определении насилия существуют два подхода – абсолютистский и прагматический. «Согласно первому, понятие насилия несет четко выраженную негативную оценочную нагрузку и употребляется в широком значении, включающем все формы физического, психологического, экономического подавления и соответствующих им душевных качеств» [5]. Насилие, по сути дела, отождествляется со злом. При таком подходе: во-первых, снимается проблема оправдания насилия, возможности его конструктивного использования; во-вторых, отрицание насилия выглядит как сугубо моральная программа, вступающая в непримиримую конфронтацию с реальной жизнью. Так, Л.Н. Толстой, приверженец интеллектуально-духовной традиции, был радикальным критиком современной цивилизации, всех свойственных ей форм эгоизма и принуждения. Прагматический подход ориентируется на ценностно-нейтральное и объективное определение насилия и отождествляет его с физическим и экономическим ущербом; насилием считается то, что является насилием – убийство, ограбление. Такая интерпретация позволяет ставить вопрос об оправданности насилия, возможности его использования, но при этом отсутствует критерий для его решения. Тем самым проблема отношения к насилию теряет нравственную напряженность [12, с. 70].

В действительности же практики насилия – это набор возможных состояний, отличающихся друг от друга по степени разрушительного воздействия. Достаточным является различие между политическим конфликтом, насилием и терроризмом. Согласно мнению В.А. Эпштейна, конфликт, включающий цели и средства их достижения, можно рассматривать как способ разрешения противоречия, насилие же по отношению к конфликту является только одним из средств его реализации. И.Ю. Залысин, разделяя политические конфликты на внутренние и внешние, выделяет следующие формы внутрисоциального насилия: бунт, столкновение между политическими группировками, восстание, гражданская война, партизанская война, переворот, терроризм, репрессии.

Терроризм в России как явление социально-политической жизни, отражающее конфлик-

тное взаимодействие различных сил в государстве, как правило, находящихся на различных уровнях иерархии власти, имеет глубокий исторический генезис. Страна, находившаяся под постоянной угрозой внешней агрессии, накопила богатый опыт разрешения острых политических противоречий путем использования крайних, жестких форм борьбы, к которым следует отнести террористические.

Наиболее ярко терроризм проявился в деятельности русских народников в XIX веке [9, с. 186]. Среди множества групп, действовавших в 1870–1880-е гг., выделялась «Народная воля», подготовившая восемь покушений на царя-освободителя Александра II. Эта организация обладала разработанной политической программой, опиравшейся на опыт народнического движения 1860–1870-х гг., и осознанным стремлением насильственным путем устранить монархический порядок. Прямым продолжением терроризма народовольцев стал терроризм революционный начала XX в., активизировавшийся накануне революции 1905–1907 годов. Терроризм 1900–1910 гг. ассоциируется, прежде всего, с деятельностью «Боевой организации» Центрального комитета партии социалистов-революционеров (БО ЦК ПСР). Террористическая деятельность 1900–1914 гг. представителей национальных меньшинств (финны, поляки, евреи, латыши, народы Кавказа) разворачивалась на фоне революционных событий.

Давая оценку террористической практике в СССР, необходимо отметить взаимоисключающие точки зрения. В.Е. Петрищев полагает, что к началу 1950-х гг. терроризм как один из наиболее эффективных инструментов организованной политической борьбы с действующим строем в Советском Союзе прекратил свое существование [18, с. 209]. Наличие иммунитета по отношению к террористической идеологии и практике объясняется, с одной стороны, господствовавшей концепцией «морально-политического единства советского народа», с другой – действенным функционированием административно-разрешительных режимов. В то же время О.М. Хлобутов обосновывает мнение, что свое распространение террористические воззрения и доктрины получили в России с середины XIX в., где приверженность «террористичес-

кой борьбе» пустила немалые корни [22, с. 28]. Появление терроризма в России не было чем-то уникальным, террористические идеи развивались в работах европейских радикалов и оказывали заметное влияние на умы и настроения советского народа [1, с. 14]. Вместе с тем наиболее значимым для советского правительства был широкомасштабный государственный террор, который представлял для общества большую опасность, чем акты оппозиционного терроризма. Политическое руководство допускало политику государственного террора в случае подрыва политического строя страны.

Таким образом, в контексте осмысления практик насилия важно зафиксировать, что «террор – это политика репрессий со стороны государства, опирающегося на мощь своих силовых институтов. Терроризм – это насилие, осуществляемое со стороны оппозиционных группировок. Оружие террора – репрессии, оружие терроризма – террористический акт» [11, с. 10–11]. Терроризм представляет собой идеологию, политику и социальную практику общественных сил, ориентирующихся на нелегальные насильственные формы изменения государственного и общественного строя. К нему прибегают в случае возникновения структурного дисбаланса между двумя или несколькими участвующими сторонами. Террор – метод политической борьбы, который используется людьми и организациями, имеющими самую разную идейно-политическую и мировоззренческую ориентацию: революционеры и контрреволюционеры, сепаратисты и империалисты, националисты и космополиты, анархисты и этатисты.

С начала 1990-х гг. XX в. на территории субъектов Российской Федерации наблюдается рост количества акций террористического характера и представляется обоснованным вывод о том, что терроризм выступает устойчивым атрибутом в развитии политической жизни общества. Это объясняется тем, что в условиях противоречивых преобразований были утрачены механизмы упорядочения и конституционного регулирования отношений между государством, обществом и личностью. Прежняя, социалистическая идеология на государственном уровне предана анафеме, а новой идеологии обществу, потерявшему ориентиры, не предложено. Де-

вальвированы такие объединяющие и основополагающие общественную жизнь начала, как патриотизм, чувство долга, коллективизм, нравственность, мораль, интернационализм.

Сегодня стоит вопрос о принципиальном изменении характера правоотношений между государством, обществом и личностью. Известно, что «любое общество может успешно развиваться, опираясь на четко обозначенные реальные цели, на научно выверенную модель жизнеустройства» [20]. Говоря о состоянии современного российского общества, можно убедительно констатировать, что насилие может рассматриваться не только инструментом, легитимизирующим основание режима политического управления, но и средством консолидации гражданских и «негражданских» элементов.

В научной литературе (Л. Уайтхед, Дж. Пирс), посвященной анализу демократизации поставторитарных стран, к числу которых относится и Россия, все чаще обращается внимание на существование угроз гражданскому обществу со стороны «негражданских» элементов (мафиозные структуры, криминальные группы, националистические и шовинистические ассоциации, радикальные экстремистские организации, религиозные фанатики), действия которых не соответствуют демократическим критериям.

Реальность такова, что в период с 1999 по 2004 г. фактор угрозы терроризма и опасений стать его жертвой стал неотъемлемой частью жизни россиян [19]. В 2010 г. терроризм занимал второе место в рейтинге угроз (60 %) после наркомании (65 %). В начале 2011 г. фиксируется уже 80 % россиян, которые опасаются стать жертвой теракта, причем каждый третий считает – терроризм в России искоренить невозможно в принципе. Подобная ситуация обосновывается недостаточностью принятых мер безопасности (14 %), плохой работой силовых ведомств (12 %), продолжающимися террористическими актами (11 %), бездействием властей (10 %), коррупцией (5 %), беззаконием (3 %) [21]. Видимо, в России требуется выработка новых принципов поддержания жизненно важных интересов личности.

Объективно говоря, подобные общественные оценки российских граждан обусловлены целым рядом внутренних факторов: 1) противоречивый характер экономических и полити-

ческих преобразований в стране; 2) обострение политической борьбы; 3) социальное расслоение граждан, порождающее открытые столкновения; 4) криминализация общества; 5) коррумпированность властных структур, порождающая возможность использования в политическом противоборстве криминальных методов борьбы; 6) отсутствие демократических традиций в управлении государством и обществом, приверженность российских властей к авторитарным методам управления; 7) правовой нигилизм; 8) амбициозность и некомпетентность чиновников высшего эшелона исполнительной власти. Также косвенно терроризм порождают следующие обстоятельства: 1) ослабление режимных мер в доступе к огнестрельному оружию, взрывчатым, радиоактивным, ядовитым веществам; 2) возрастание социальной напряженности в обществе; 3) обострение межнациональных противоречий; 4) распространение идеологии сепаратизма; 5) коммерциализация общества. Отметим, что определение факторов, ответственных за распространение терроризма в России и обстоятельств, благоприятствующих реализации террористических намерений, достаточно условно, так как они находятся в постоянной диалектической связи.

Вместе с тем, по данным МВД России, количество преступлений террористического характера с 2008 по 2010 г. оставалось почти на одинаковом уровне, в 2011 г. уменьшилось почти в два раза. В 2008 г. таких преступлений было зарегистрировано 642, в 2009 г. – 654, в 2010 г. – 779, в 2011 г. – 365 [8, с. 48–49]. Важно, что количество непосредственно террористических актов, по которым были возбуждены уголовные дела, имело тенденцию к росту, потом – к значительному снижению (2008 г. – 2 террористических акта; 2009 г. – 6; 2010 г. – 23; 2011 г. – 10).

Очевидно, реализация практик политического насилия в России в форме террористической деятельности развивалась по линии «террор – терроризм», и в науке есть два подхода – объяснения относительно данной эволюции [17, с. 52].

«Исследовательский» подход полагает, что существуют условия, порождающие терроризм – неравное положение этнического меньшинства, культурные и религиозные преследования, политические репрессии или экономические лишения. Подход «практический»

считает, что поиск первопричин только оправдывает незаконные или противоправные действия террористов, то есть терроризм вовсе не обусловлен какими-либо объективными причинами, а вызван злыми намерениями террористов, которые стремятся разрушить нормативный порядок с целью повлиять на легитимную политическую власть. Среди ведущих причин существования терроризма указывают [3, с. 4–6]: 1) терроризм вечен как мир. По мнению Г.-М. Энциенсбергера, экстремизм и терроризм – ровесники любой формы власти, ибо всякая власть, являясь «присвоением права на пролитие крови», порождает ответную экстремальную и столь же «кровавую» террористическую традицию; 2) терроризм – новый общественный феномен, не имеющий аналогов в истории. Корни экстремистских форм социального протеста, по утверждению Х. Арндт, лежат в особенностях современного «индустриального» общества, в его «анонимном» характере. Терроризм разгоняет благополучную скуку общества изобилия, представляет собой атрибут очередной моды; 3) повышенная уязвимость современных сложных хозяйственных механизмов. Это, по мнению сторонников «технологической» школы террологов, предоставляет возможности для шантажа значительных масс населения со стороны безответственных фанатиков; 4) террористические акции – проявление стихийного протеста против «общества потребления», которые являются формой классовой борьбы и революционной деятельности в современную эпоху; 5) терроризм в современном капиталистическом обществе связан с «новыми социально-экономическими и политическими структурами, генерирующими насилие; 6) синдром терроризма и вооруженного насилия явился, по мнению Л. Феррайоли, результатом стабилизации и политической интеграции социальных конфликтов, характерных для позднего капитализма, и представляет собой разновидность невроза.

Вместе с тем анализ сущностных черт терроризма как формы политического насилия в России дает возможность сделать ряд замечаний: во-первых, не любой террористический акт можно классифицировать как политический. Применение экстремистского насилия может наблюдаться и в криминально-экономическом

мире – разборки бандитских группировок, запугивание конкурентов, вооруженное ограбление в целях обогащения. Во-вторых, не любое применение политического насилия, даже с использованием его крайних форм, является терроризмом. Насилие является неотъемлемым атрибутом политики и государственной власти. «Если бы заговоры не вносили смуту в нашу державу, если бы родина не становилась тысячу раз жертвой снисходительности законов, принципов мира и естественной справедливости; но эти принципы приложимы лишь по отношению к друзьям свободы: у народа и его врагов не может быть ничего общего, кроме меча. Там, где нельзя управлять на основе справедливости, надо применять железо...» [14, с. 156]. Репрессии, направленные на пресечение уголовных преступлений, уничтожение преступных группировок, – не являются актами государственного терроризма. К террористам необходимо относить лишь тех субъектов, деятельность которых противоречит общепринятым нормам и угрожает общечеловеческим ценностям. Следовательно, перефразируя слова К. Шмитта о войне, можно сказать, что терроризм как реальная возможность, как наличествующая предпосылка уникальным образом определяет человеческое мышление и действие, по-новому ставит вопрос о безопасности, в том числе и в современной России.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Работа выполнена при финансовой поддержке РГНФ, проект № 11-33-00367а2.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Будницкий, О. В. Терроризм в российском освободительном движении: идеология, этика, психология (вторая половина XIX – начало XX в.) / О. В. Будницкий. – М. : РОССПЭН, 2000. – 399 с.
2. Вебер, М. Избранные произведения / М. Вебер; сост., общ. ред. и послесл. Ю. Н. Давыдова; предисл. П. П. Гайдено. – М. : Прогресс, 1990. – 808 с.
3. Грачев, А. С. Политический терроризм: корни проблемы / А. С. Грачев. – М. : Знамя, 1982. – 64 с.
4. Гусейнов, А. А. Моральная демагогия как форма апологии насилия / А. А. Гусейнов // Вопросы философии. – 1995. – № 5. – С. 5–12.
5. Гусейнов, А. А. Понятия насилия и ненасилия / А. А. Гусейнов // Вопросы философии. – 1994. – № 6. – Электрон. текстовые дан. – Режим доступа: <http://philosophy.ru/library/vopros/22.html>. – Загл. с экрана.
6. Денкэн, Ж.-М. Политическая наука : пер. с фр. / Ж.-М. Денкэн. – М. : Изд-во МН ЭПУ, 1993. – 62 с.
7. Дмитриев, А. В. Насилие: социополитический анализ / А. В. Дмитриев, И. Ю. Залысин. – М. : РОССПЭН, 2000. – 328 с.
8. Журавель, В. П. Терроризм в России в 2008–2012 гг.: попытка комплексного анализа / В. П. Журавель // Право и безопасность. – 2012. – № 1. – С. 48–53.
9. История терроризма в России в документах, биографиях, исследованиях / сост. О. В. Будницкий. – Ростов н/Д : Феникс, 1996. – 576 с.
10. Киреев, Г. Н. Сущность насилия / Г. Н. Киреев. – М. : Прометей, 1990. – 110 с.
11. Кожушко, Е. П. Современный терроризм: Анализ основных направлений / Е. П. Кожушко. – Минск : Харвест, 2000. – 448 с.
12. Курочкина, Л. Я. Насилие в современном мире (социально-философский аспект) / Л. Я. Курочкина // Вестн. Воронеж. гос. техн. ун-та. – 2009. – Т. 5, № 8. – С. 69–71.
13. Ленин, В. И. О государстве / В. И. Ленин // Полн. собр. соч. – Т. 39. – С. 66–84.
14. Манфред, А. С. Великая французская революция / А. С. Манфред. – М. : Наука, 1983. – 432 с.
15. Маркс, К. Капитал. Т. 1 / К. Маркс, Ф. Энгельс // Сочинения. – 2-е изд. – Т. 23. – 907 с.
16. Мартыненко, Б. К. Государственное насилие – как его понимать / Б. К. Мартыненко // Власть. – 2008. – № 8. – С. 106–108.
17. Ожиганов, Э. Н. Профиль терроризма: природа, цели и мотивация / Э. Н. Ожиганов // Социологические исследования. – 2006. – № 2. – С. 52–57.
18. Петрищев, В. Е. История терроризма в России / В. Е. Петрищев // Заметки о терроризме. – М. : Эдиториал УРСС, 2001. – 282 с.
19. Россияне о терроризме. – Электрон. текстовые дан. – Режим доступа: <http://www.levada.ru/press/2004021901.html>. – Загл. с экрана.
20. Рыкунов, В. Какой может быть Россия / В. Рыкунов // Юрид. газ. – 1998. – № 13. – С. 1–3.
21. Угроза терроризма в России и как ее победить. – Электрон. текстовые дан. – Режим доступа: <http://wciom.ru/index.php?id=268&uid=111350>. – Загл. с экрана.
22. Хлобустов, О. М. Терроризм в России и большевики / О. М. Хлобустов // Современный терроризм: состояние и перспективы / отв. ред. Е. И. Степанов. – М. : Эдиториал УРСС, 2000. – 240 с.

RUSSIAN PRACTICES OF POLITICAL VIOLENCE

E.V. Efanova

This article deals with the methodological bases of political violence, and establishes the specific features of realization violent practices in the form of terrorism within the Russian policy. The author carries out the differentiation within domestic practices of political violence realization along the vector “terror – terrorism”. The genesis and subjects of terrorist activity in the Russian Federation are established.

Key words: violence, terrorism, terror, state, power, safety.